

Ядовитая змея Настю раньше тоже не кусала. И «раньше» было раньше, а сейчас с ней творилось самое настоящее непонятное «Что, где, когда» – она улыбнулась и сама себе выдала оценку: «Ну чё, Настька, оттопыриваешься здесь, да? Оттопыриваешься? Стопудово улётные эти гюрзы, надо будет еще одной хвост прищепить. Точно-точно, прищепить, хе-хе».

Никакой больницы нигде не было, и врачей не было, и не нужны ей были всякие врачи. Ей голову нужно было лечить – потому что в ней, вздорной юной голове стали возникать мысли на тему: «Это как оно так? Это яд как бы не яд? А если выпить яду? А ещё в порезаться! Точно-точно! Надо босиком больше ходить, и царапины смотреть».

Но Настя Звягинцева уже была большая девочка. Перестав думать о всякой чепухе, она немного грустно улыбнулась выводу: «Глупости всё это. Так просто, значит, из этого мира не отпускают. Ладно, поживём, подруга. Как там было? «Добро пожаловать в наш дерьмовый мир обратно!» Интересно, сколько их будет таких добро пожалований?»

В итоге она смирилась с жизнью в которой сложно самоубиться, выпить яду, склеить лапы, просто зарезаться.

Кипр был изумительно хорош. Ни дня без приключений.

Настя пилила всякие сучки и прочие крепкие ветки, и не чувствовала никакого раздражения от тягомотной процедуры античной деревообработки – ничего, мы еще и сталь сварим, и пельмени с квасом, и много чего вам напрогрессорствуем, господа македонские и конкретно Македонские.

«Филиппок и Дрюня, значит! Яблочко от яблони упало очень недалёко, значит. Хорошо, Андрей Филиппович, будет тебе сюрприз из солнечного Кипра. Медный такой сувенир».

Всё дело было в том, что Настя – ко всем прочим расстройством и неприятностям – обнаружила на ночь глядя и еще одну бяку себе в характеристики.

Она спать не хотела! Бессонница у неё оказалась. В свою первую ночь на этом странном острове, а может и не острове, но все равно странном, она долго не могла заснуть. Почти до утра пролежала, сомкнув глаза, и размышляя о произошедшем с ней.

И несколько выводов она решила принять в серьезное рассмотрение.

Прежде всего, она решила никоим образом не показываться на глаза всяким «сильным мира сего».

И не будет она никакой «прометеевской» прогрессорской глупостью маяться. Прометей раскрыл грекам всякие комфортные штуки, а в итоге что? Получил по тупой головушке и стал вечным донором печени.

Она будет как мышка – в норке. Как тигра – в пещерке. Да, да – как медведица в берложке. Мёд будет кушать и потихоньку всё себе устроит. Даже унитаз можно сообразить! Глиняный, но покрытый глазурью. Эти греки, которые сейчас эллины – большие мастера с глиной работать.

Всё она себе сделает. И в первую очередь – семью заведёт. Раз выкатился к ней этот лысый Кадм – роялем он оказался настоящим, королевский выбор, и сын у него казался славным мальчиком.

И ей такой сын в партнёрах очень пригодится. Никак без семьи. Никак! Вот и поговорила она с Кадмом на эту тему. И пришло время новых приключений.

- Ты, Кадм, ходи отсюда, гуляй. Ты свое дело сделал, - погрозила пальцем Настя этому «как бы» не своднику.

И Кадм не стал ничего говорить, он просиял, и как был, так и стал таков - просто ломанулся в сторону, похоже даже пути не разбирая, и что-то похихатывая на радостях.

Мудра старость. Она не только глазами видит, слабы её глаза.

А Настя приступила к осмотру вверенного ей мальчика. И с каждой секундой она понимала всей сутью своей - её мужчина. То, что доктор прописал!

Теперь оставалось объясниться с этим индивидуумом насчет одного деликатного момента. И вот в этом вопросе она собиралась крепко взять этого бычка за рожки:

- Ты меня внимательно слушай, слушай меня внимательно. Никаких тебе не будет «Андрионов», «Андронов» и «Андреасов». «Андрион» звучит как «сперматозоид». Будешь «Андрей» - я так сказала. Как «Тезей», как «Прометей», как «Одиссей» - очень смысленный был дядька - «Андрей» - чувствуешь, как хорошо звучит?

Но этому парнишке, похоже, никакой разницы не было, как она его называть станет. Главное - станет!

Она станет его называть, звать, они будут вместе гулять, и он ей понравился! Андрион вытянул свою сеть! Он поймал золотую рыбку.

Он стоял, и у него не было никакого желания, никакой потребности упасть перед этой необычайной на колени. Так будет неправильно. Он просто стоял и улыбался.

И он все правильно делал. Настя тоже улыбалась - такой лапочка, и потискать хочется и потискаться. Как бы им бы это бы поскорей... поцеловаться.

«Море... у нас ведь есть настоящее море! А пойдём-ка, искупаемся-ка, и никуда он после этого от меня не денется, когда я разденусь!»

Настя блеснула глазами и сразу озвучила свою гениальную мысль:

- За мной, рядом!

И она пошла к морю, продолжив фантазировать о поцелуях, и о его таких крепких и сильных руках, и кубиках пресса на животе, и эти грудные мышцы у него, такие лапочки, и весь он такой... тупой!

Такой он славный: ведь тупой-тупой, такой он глупенький, а вот сбоку на профиль его посмотришь - просто замуж так хочется, что хоть даже трусики не снимай!

- Стоять! - остановилась Настя и повернулась к своему избраннику. - Голову поверни. Не улыбаться!

Андрей пару раз только хлопнул своими ресницами, улыбаясь чудесными серыми глазами с голубоватым отливом – чудо, что за глаза, не серые, не синие, не голубые, а такие красивые, просто сласть – и что-то понял, увидев её лицо.

Он перестал улыбаться, смотрел на неё так, словно понимал: ох и нелегко ему придется с такой фифой непонятной.

Потом он просто повернулся всем телом вбок. И Настя замерла от восхищения.

Это не издали подглядывать и что-то там вдаль рассматривать. Это в полуметре от тебя стоит молодой человек. Не парень, не юноша, не мужчина – всё это не то – молодой человек.

Её молодой человек.

Она боялась вздохнуть громко. Андрей просто колени ей ослабил своим профилем: линия лба, линия носа, подбородок – в этих четких росчерках была мужественность, была строгая и непреклонная решительность и сила, и рядом с этим – скулы, такие классные, такие вкусные, так бы и облизала эти скулы-вкусняшки. Ох, и попадешься ты на облиз, красавчик!

– Типа, спасибо... – прохрипела Звягинцева, собрав себя в кулачок, и пригласила кавалера продолжить романтическую прогулку. – За мной, рядом!

А на берегу она разделась, да. И он тоже разделся, да. И всё им было видно, всё было ясно с ними обоими.

Она протянула ему руку, и он её понял, бережно взял за руку, и они пошли в воду. И шли, пока вода до груди не дошла, там остановились и повернулись друг к другу, сблизилась.

Поцеловались впервые в море, это было очень хорошо и правильно, потому что если бы они не стояли по грудь в воде, они бы уже упали на землю, и сгрызли бы лишнюю одежду друг с друга. А море приняло всё: и наготу, и страсть и близость.

<http://tl.rulate.ru/book/98296/3325567>